

Глава 7

Юэ Цянь глубоко погрузился в свои мысли, как вдруг почувствовал, что вокруг стало подозрительно тихо. На себе он ощутил чей-то колющий, пристальный взгляд. Оторвав глаза от экрана телефона, он столкнулся с Чэнь Суем, который смотрел на него исподлобья — в этом взгляде смешались упрек и явное подозрение.

Юэ Цянь издал короткий смешок, изображая на лице привычную глуповатую улыбку:

— О, начальник Чэнь, вы уже закончили опрос?

Чэнь Суй перевел взгляд на руки подчиненного, и складка между его бровей стала еще глубже.

— Интересно? — ледяным тоном осведомился он.

— Еще как! — Юэ Цянь с готовностью протянул аппарат владельцу обеими руками. — Я ведь видел, как вы заняты протоколами, вот и решил помочь — ознакомиться с видеоматериалами. Хотя я официально и на больничном, но всё же остаюсь сотрудником полицейского участка, так что это мой долг.

Лицо начальника потемнело.

— Твой долг, значит?

Юэ Цянь сам был оперативником и за годы службы повидал немало таких, как Чэнь Суй. Даже в роли новичка он не чувствовал никакой робости:

— В нашем деле проверка улик — основа основ. Нужно быть внимательным.

Собеседник смерил его оценивающим взглядом.

— Ладно. Подойди и доложи, что ты там высмотрел.

Юэ Цянь выпрямился и заговорил намеренно громко, чтобы слышали окружающие:

— У канала Лю Ланьшань охваты огромные, но будь я на её месте — даром бы мне такая слава не сдалась.

Цю Цзиньбэй открыл было рот, чтобы возразить, но Чэнь Суй осадил его одним движением глаз и снова повернулся к Юэ Цяню:

— Почему это?

— В комментариях сплошной яд, — пояснил офицер. — Её и Цю Цзиньбэя кроют на чем свет стоит, ни одного доброго слова. Жить под таким шквалом ненависти, видеть, как любимого человека смешивают с грязью... Лично я бы не выдержал. Если только...

— Если только что? — надавил начальник.

Юэ Цянь перевел взгляд на Цю Цзиньбэя. Он начал говорить медленнее, прощупывая почву:

— Если только они сами этого не хотели. Скандальная популярность — тоже популярность. А там, где есть охваты, крутятся деньги.

— Врешь ты всё! — завопил Цю Цзиньбэй, подскочив на месте. — Как ты можешь так о нас думать?!

Чэнь Суй открыл одно из видео и пролистал комментарии. Из динамика раздался нежный, воркующий голос Лю Ланьшань — на экране она вместе с Ван Цюхуа стирала белье в ледяной воде. Глядя прямо в камеру, девушка сладко улыбалась и рассказывала, что так её учит свекровь, и в будущем она обязана будет обстирывать еще и золовок. Под видео бушевал пожар из сарказма и злобы: разъяренные пользователи мечтали собственноручно проучить её, раз уж родители не справились.

Услышав звук, парень попытался оправдаться:

— Я... я никогда не заставлял её стирать! Мы всегда каждый сам за собой ухаживали!

Юэ Цянь мгновенно подловил его:

— Значит, для видео вы просто разыгрывали спектакль?

Старший офицер снова бросил быстрый взгляд на Юэ Цяня.

— Мы... — Цю Цзиньбэй окончательно запутался. Видя замешательство сына, Ван Цюхуа грудью бросилась на его защиту: — Да что вы к нему привязались?! Невеста моя пропала, идите и ищите её! Какого толка вы от сына добиться хотите?

Чэнь Суй аккуратно отодвинул женщину в сторону:

— Я тебя спрашиваю. Вы играли на камеру?

Тот долго жевал губу, но в конце концов сдался:

— Признаю, элементы постановки были. Сейчас в «деревенском сегменте» такая конкуренция... Если снимать просто жизнь, как она есть, никто и смотреть не станет. Ланьшань уволилась, хотела на канале подзаработать, вот мы и... приукрасили малость. Но это ведь не преступление!

Выпалив это на одном дыхании, Цю Цзиньбэй принялся украдкой наблюдать за реакцией полиции. Юэ Цянь подмечал каждое его микродвижение — интуиция подсказывала, что парень не договаривает самое важное.

Спустя мгновение Чэнь Суй обернулся к помощнику:

— Что еще?

Юэ Цянь отвел взгляд от подозреваемого:

— Кажется, Лю Ланьшань втайне снимала жителей деревни. Эти видео еще не смонтированы.

— Кого именно? — только успел спросить начальник, как Цю Цзиньбэй возбужденно выкрикнул:

— Я вспомнил! Её исчезновение точно связано с ними!

— С кем? — Чэнь Суй нахмурился.

Молодой человек вдруг приосанился, в его голосе зазвучала уверенность:

— С этой старой ведьмой! И со Звездой несчастья!

Юэ Цянь, прикрываясь авторитетом начальника, строго добавил:

— Что еще за «ведьмы» и «звезды»? Начальник Чэнь делом занят, изволь называть имена!

Цю Цзиньбэй на секунду опешил.

— Лю... Лю Чжэньхун. Сумасшедшая, вся деревня знает. И Инь Мо, который вечнозанимается чертовщиной — со своими духами знает.

Юэ Цянь указал Чэнь Сую на нечеткую фигуру в одном из роликов и прошептал:

— Вот это и есть Лю Чжэньхун. Непонятно только, зачем Лю Ланьшань понадобилось за ней следить.

— А второй? — спросил тот.

Юэ Цянь покачал головой:

— В записях его нет.

Начальник снова обратился к Цю Цзиньбэю:

— Почему ты думаешь, что они причастны?

— В деревне только с ними у Ланьшань и были нелады. А этот Инь Мо нам и вовсе угрожал!

— Как именно?

Цю Цзиньбэй попытался изобразить лицо Инь Мо, но лишь нелепо скривился, став похожим на ярмарочного клоуна:

— Ну, вот так... Сказал, что на Ланьшань печать беды, и что с ней что-то случится.

Чэнь Суй прищурился:

— Он что, гадалка?

— Да какой там! Просто не хотел, чтобы мы его снимали, вот и решил нас припугнуть!

Юэ Цянь сразу подметил противоречие в словах Цю Цзиньбэя. Тот, как и остальные селяне, верил, что Инь Мо якшается с нечистью, но при этом отказывался признавать, что тот мог действительно почуять беду.

Парень, распалившись, начал доказывать, что Лю Чжэньхун и Инь Мо совершенно точно знают, куда делась Лю Ланьшань. Он даже призывал толпу немедленно идти к ним на обыск. Чэнь Суй и сам планировал навестить эти два дома, ну а Юэ Цянь, разумеется, не собирався оставаться в стороне.

Вскоре подоспели и остальные вызванные полицейские.

Дом Лю Чжэньхун стоял с наглухо закрытыми дверями. Пока соседи вокруг развешивали праздничные фонарики и клеили на двери иероглифы «счастье», её подворье выглядело мрачным и заброшенным. Стены были покрыты пятнами вековой грязи — казалось, здесь не прибирались десятилетиями.

Чэнь Суй постучал — тишина. Постучал громче. Цю Цзиньбэй не выдержал и заорал:

— Лю Чжэньхун, открывай! Я знаю, что ты там!

Никто не ответил, но Юэ Цянь заметил в щели под дверью тень от ног. Хозяйка стояла прямо перед ними. Она не подошла на стук, она была там с самого начала.

От этой картины повеяло жутью.

«Интересно, что она высматривала? Или кого ждала?» — этот вопрос не давал Юэ Цяню покоя.

Начальник тоже заметил тень и перестал стучать. Спустя пару минут дверь медленно отворилась. Лю Чжэньхун действительно была там: под распахнутым голубым пуховиком виднелось нежно-голубое ципао.

Чэнь Суй невольно покосился на Юэ Цяня. Тот неловко коснулся своего точно такого же по цвету пуховика:

— Это дед купил.

Цю Цзиньбэй, снедаемый тревогой, выскочил вперед:

— Лю Чжэньхун, ты видела Лю Ланьшань? Невесту мою? Вы же встречались!

Глаза женщины, густо подведенные тенями, странно блеснули.

— Она... пропала?

— Признавайся, она у тебя? — наседал парень. — Она тебя снимала!

Та на мгновение задумалась, после чего сухо уронила:

— Нет её здесь.

Деревенские, побаиваясь её, отступили на несколько шагов, продолжая наблюдать со стороны.

Цю Цзиньбэй сорвался на крик:

— Врешь! Ты точно знаешь, где она! Может, ты её заперла из-за тех съемок?

Лю Чжэньхун вдруг мягко, почти ласково улыбнулась. Эта улыбка на её дряблом, покрытом толстым слоем косметики лице выглядела необъяснимо пугающе.

— Ну да. Я её заперла.

— Начальник Чэнь, слышали?! — Цю Цзиньбэй так и подпрыгнул, всем своим видом показывая: «Я же говорил!».

Ордера на обыск у полиции не было, но поведение женщины было за гранью нормального, к тому же из дома потянуло тяжелым, странным запахом. Чэнь Суй заглянул внутрь и спросил:

— Могу я войти и осмотреться?

Хозяйка отступила, освобождая проход, и оскалилась в улыбке:

— Добро пожаловать. Осматривайтесь сколько угодно.

Стоило начальнику переступить порог, как Юэ Цянь шмыгнул следом. Тот бросил на него предупреждающий взгляд, но парень лишь широко улыбнулся:

— Меня сестра Чжэньхун еще в колыбели качала! Неужто я не могу зайти поздравить её с праздником?

Чэнь Суй лишь молча поджал губы.

При этих словах в глазах Лю Чжэньхун промелькнуло нечто похожее на печальную задумчивость. Юэ Цянь воспользовался моментом и проскользнул в глубину дома. Когда он увидел, что висит на стенах, по его затылку пробежал неприятный холодок.

Как и большинство деревенских домов, этот был двухэтажным. На первом этаже располагался просторный зал, пара кладовок, наверху — спальни. Обычно залы стараются делать светлыми и парадными — для деревенских жителей это вопрос престижа.

Но зал Лю Чжэньхун тонул во мраке; он напоминал храм, где перед божеством забыли зажечь огни. Более того, в самом центре комнаты действительно высилась ростовая статуя божества. Стены вокруг были плотно, слой за слоем, обклеены фотографиями — это напоминало пещеру тысячи будд. Вокруг курились благовония, их густой аромат в душном пространстве бил в нос.

Все вошедшие застыли в немом шоке. Когда глаза привыкли к полумраку, Юэ Цянь разглядел, что изваяние изображает Гуаньинь. Однако черты лица богини не были традиционно величественными — они казались более женственными, даже соблазнительными. И чем дольше он всматривался, тем больше они казались ему знакомыми.

Внезапно офицер перевел взгляд на хозяйку дома.

«Неужели это она в молодости? — Юэ Цянь почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Она что, воздвигла идол самой себе?»

— Это же... — Старик Юэ в изумлении указал на изваяние. Он-то помнил, какой красавицей была Лю Чжэньхун много лет назад.

Юэ Цянь нашел ответ на один вопрос, но тут же переключился на фотографии. На каждой была изображена молодая девушка, и все без исключения — настоящие красавицы. Некоторые снимки пожелтели от времени, другие были совсем свежими. Офицер быстро пробежал глазами по лицам, но Лю Ланьшань среди них не нашел.

Цю Цзиньбэй, увидев это святилище, в ужасе осел на пол.

— Лю... Лю Чжэньхун... Мамочки...

— Кто всё это? — сухо спросил Чэнь Суй.

Лю Чжэньхун разразилась безумным хохотом.

— Правда, они прелестны?

Никто не ответил. Девушки на фото и впрямь были прекрасны, но собранные в таком количестве в полумраке комнаты, они создавали атмосферу гнетущего кошмара.

Юэ Цянь нарушил тишину:

— Сестра Чжэньхун, зачем вам столько снимков? Вы знаете этих девушек?

Та ответила невпопад:

— Это всё мои дочери. Каждая унаследовала мою красоту. — С этими словами она внезапно рухнула на колени перед статуей и начала неистово бить поклоны. Её лоб с глухим стуком раз за разом ударялся о бетонный пол.

Вскоре на сером камне расплылось кровавое пятно. Женщина выпрямилась с истовым рвением, сложила ладони в молитвенном жесте и, сверкая безумным взглядом, принялась что-то шептать.

Она твердила:

— Прошу, богиня, даруй мне прекрасных дочерей!

Цю Цзиньбэй на четвереньках вылетел со двора, напрочь позабыв о поисках невесты.

После этого Лю Чжэньхун словно перестала понимать человеческую речь. На любой вопрос Чэнь Суя она отвечала лишь сухим, каркающим смехом, который эхом разлетался по её самодельному «храму».

Полицейские осмотрели второй этаж, но следов Лю Ланьшань не обнаружили. Как ни подозрительна была хозяйка дома, доказательств похищения не было. Чэнь Суй задокументировал стену с фотографиями и статую, после чего приказал уходить.

У самого выхода он спохватился, что кого-то не хватает. Обернувшись, он спросил у старика Юэ:

— А где твой?

«Тот самый» — Юэ Цянь — в это время находился на кухне. Именно отсюда доносилось тошнотворное зловоние, которое они почуяли еще на улице.

Кухня располагалась в отдельной пристройке в глубине двора. С одной стороны — плита, с другой — нагромождение посуды и продуктов. На огне стоял казан, в котором бурлило нечто, похожее на разваренную в кашу рыбу. Разделочная доска была залита кровью; похоже, карасей бросали в кипяток даже не помыв, едва прибив. В варево не добавили ни единой специи, чтобы отбить запах, и теперь вся кухня была заполнена тяжелым смрадом, который, смешиваясь с ароматом благовоний из дома, нещадно бил по нервам.

Зловоние шло не только от кастрюли, но и от мусорного ведра, доверху забитого костями и недоеденным рыбьим мясом. В чане с водой неподалеку плавало еще десятка полтора карасей — все дохлые, кверху белыми брюхами.

Одного из полицейских тут же вывернуло. Юэ Цянь сам почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Ему отчаянно хотелось глотнуть свежего воздуха, но легкие наполнял лишь густой рыбный смрад.

Лю Чжэньхун, словно призрак, возникла за спиной.

— Ой, я же рыбу тушу. — Она выключила огонь и начала вычерпывать разваренную массу в большую миску. — Праздник на дворе, оставайтесь пообедать. Это моё коронное блюдо.

Чэнь Суй позеленел.

— Это ты ешь?

Хозяйка улыбнулась:

— Конечно. Рыба — это к достатку, чтобы каждый год был с избытком.

Юэ Цянь внезапно шагнул вперед:

— Сестра Чжэньхун, дай и мне попробовать!

Женщина достала чистую миску и с торжественным видом положила в неё порцию варева. От одного запаха у офицера потемнело в глазах, лицо непроизвольно дернулось.

— А приправы будут?

Лю Чжэньхун вдруг стала необычайно серьезной:

— Нельзя. Ни в коем случае. Только натуральный вкус — самый лучший. — С этими словами она отправила в рот кусок вместе с костями. Раздался отчетливый хруст. Она жевала так, словно ела изысканный деликатес, причмокивая от удовольствия. Заметив, что Юэ Цянь медлит, она поторопила его: — Ешь скорее, пока горячая.

Юэ Цянь заставил себя проглотить кусочек и, бросив миску, пулей вылетел из кухни. Дед догнал его и принялся хлопать по спине:

— Тебя что, дома не кормят?! Тянешь в рот всякую гадость, так и отравиться недолго!

Юэ Цяня рвало до слез.

— Да я же... я же ради дела! Надо было проверить, что она там варит. Я же новичок, дед, мне надо перед начальником отличиться.

Чэнь Суй услышал это и нахмурился еще сильнее. Лю Чжэньхун стояла на пороге кухни с миской в руках, продолжая жадно жевать. То, что не поддавалось зубам, она просто выплевывала в чан, скармливая тем рыбам, что еще оставались в живых.

— Сестра Чжэньхун, почему ты ешь именно это? — спросил Юэ Цянь сквозь тошноту.

— Вкусно, — механически повторила она. — Очень вкусно.

Когда группа покидала дом, она всё еще кричала им вслед:

— Что же вы, совсем не поели? Такая вкуснятина! Ха-ха-ха-ха!

Семья Цю была настолько напугана увиденным, что даже забыла требовать от полиции немедленных результатов. Но раз заявление подано, поиски нужно было продолжать. Солнце уже клонилось к закату. Чэнь Суй оглянулся на ворота дома Лю: те были плотно закрыты, но внизу всё так же замерла тень от чужих ног.

— Где живет Инь Мо? — спросил он.

— Я знаю, идемте. — Юэ Цянь закинул в рот мятную конфету, надеясь перебить вкус тухлятины.

Грузовичок стоял на дорожке между домами Инь и Ань. Юэ Цянь заглянул во двор — похоже, хозяин был дома. Но не успел он крикнуть, как Инь Мо сам вышел из калитки дома Ань. В руках он держал изящный белый цветок из бумаги.

Посмотрев на толпу полицейских у своего порога, парень спокойно спросил:

— Что-то случилось?

Чэнь Суй внимательно изучил его.

— Ты видел сегодня Лю Ланьшань?

Тот приподнял бровь.

— Кого?

Начальник достал фото.

— Невеста Цю Цзиньбэя. Вы уже знакомы.

Губы Инь Мо тронула легкая усмешка.

— А, эта...

— Ну?

— Не видел.

— А вчера? — не унимался полицейский. — Точнее, вчера вечером, двадцать второго января.

— Меня это не касается. — Инь Мо не опускал головы, но его пальцы продолжали работать: белоснежный цветок постепенно обретал объем и фактурность.

Он уже развернулся, чтобы войти во двор, но Чэнь Суй преградил ему путь:

— Ты говорил, что ей грозит беда?

Тот издал короткий смешок.

— Похоже, мой прогноз сбылся?

Его тон явно вывел начальника из себя.

— Твой прогноз, значит?

Инь Мо глянул на стоящих позади селян и мотнул головой в их сторону:

— Не верите? Спросите у них. Я с детства на кладбищах сплю да с мертвецами беседую. То, что другим видеть не положено, я вижу ясно.

— Хватит мне тут голову морочить! — рявкнул Чэнь Суй.

Тот лишь безразлично пожал плечами.

— Ты здесь живешь? Я войду, осмотрюсь, — заявил офицер.

Но Инь Мо выставил руку, преграждая путь:

— Ордер на обыск имеется?

Чэнь Суй вынужден был остановиться. Парень снова усмехнулся и, ловким движением воткнув бумажный цветок в карман полицейского кителя, прищурился:

— Вот когда разживешься бумажкой, тогда и приходи на экскурсию.

Инь Мо наотрез отказался сотрудничать, и полиции пришлось отступить — время было позднее, пора было возвращаться в участок. Юэ Цянь уже собрался уходить вместе со всеми, как вдруг услышал за спиной короткий свист.

Инь Мо прислонился к дверному косяку, насмешливо глядя на него:

— Эй, внучок. Раз уж пришел, не хочешь должок вернуть, прежде чем сбежать?

<http://bllate.org/book/15837/1428148>